

Бойко Софья Юрьевна (Гнуда)

12.07.1925, д. Гаврильчицы Лунинецкого р-на.

- Вся моя семья, а нас было семеро: мама Ксения Васильевна, папа Юрий Власович, три сестры и два брата, жили в двух километрах от деревни на хуторе Тесна. Это был своеобразный тупик, никаких дорог не было. Работали на своей земле, имели хозяйство.

Осенью 1939г. пришли воины Красной Армии, установилась Советская власть. А в 1941г. стали появляться немцы.

7 мая 1942г. пришел приказ солтусу: собрать молодежь на 6 месяцев копать окопы. Папа просил меня убежать, но я отказалась. Разве я могла это сделать, зная, что подвергаю опасности всю семью? Нас везли через деревню Чудин в Ганцевичи на вокзал. Я помню тот ужасный момент, когда я увидела виселицу. Был повешен красивый-красивый тёмный кудрявый парень, а недалеко от него стояла табличка с надписью: «Виселица, если убежишь!». Построенные в ряды по четыре человека мы проходили мимо и смотрели на одно из злодеяний фашистов.

Нас, парней и девчат вместе, посадили в товарный вагон и отвезли в Барановичи, где была пересадка. В Германии сразу же отправили в баню. Нашу одежду прожигали в печи. Несколько немцев подгоняли нас резиновыми дубинками, насмехались над нами нагими. В одном помещении мылась только голова, в следующем был сплошной душ. У всех проверили головы, у кого обнаруживали «живые организмы, приносящие вред» - ставили печать на лоб.

После бани привезли на вокзал, там собралось к тому времени много хозяев, нуждающихся в рабочей силе. Какой же там был красивый вокзал, я замороженно рассматривала его красоту. Плакало так много людей, с полотняными мешочками с одеждой и сухарями за плечами, а я нет. Хозяин посадил меня на велосипед, а по дороге рассказывал, что, когда увидел не плачущую девочку, сразу понял, что именно меня и надо забрать. Дом его был на небольшой горке, и к ней прямо проходила дорога, а рядом с этой горкой текла бурная речка.

Хозяйка встретила возле дома, она направилась выполоскать тряпку в речке. Прежде всего мне принесли таз, показали, что следует мыть голову. После мытья хозяйка тщательно перебрала мои волосы, дала гребешок, заколки, научила закреплять косы-плетенки. А какие у меня красивые были волосы – по пояс! Меня отвели в комнату: на окне была решетка, на двери защепка наружная, в первое время она защелкивалась за моей спиной. Меня охватил страх, в голову лезли мысли, что меня убьют. Комната служила прежде мастерской, так как помимо кровати и шкафа для одежды там стоял верстак. Под теплым одеялом я согрелась, но уснуть так и не смогла. Так началась новая жизнь, жизнь в немецкой неволе в деревне Генасталь (район Егенсдорф, область Троппов). Алекс и Мария Герлих – мои хозяйка. У них

были дети: девочки Герта (12 лет) и Брунгильда, мальчик Лейзи (9лет) и маленький мальчик Адольф.

Однажды почтальон принес почту, увидел меня за столом, изумился: «Warum hat russisches Mädchen am Tisch gegessen?» (Почему русская девочка кушала за столом?) Почтальон заявил властям. Хозяина вызвали в комендатуру, но он отстоял свою позицию, аргументируя тем, что я тяжело работаю. Я кушала всегда вместе с семьей. На ужин были кофе и хлеб с маслом, на завтрак – кофе, хлеб, масло, сироп из сладкой свеклы. Хозяин разговаривал на чешском языке, а я дома училась в польской школе, поэтому мы могли общаться.

Работать пришлось тяжело. Поднимали всегда в 4 часа утра, рабочий день длился до 11 часов вечера. До 7 часов утра я должна была успеть подоить коров, дать им корм, вычистить навоз. Хозяева содержали 12 коров. Хозяйка научила меня доить коров ладошками, а не пальцами, как я это делала вначале. За непослушание была по рукам. Каждая корова стояла в яслях, хозяин показал, как нужно кормить. Я косила клевер, грузила на длинные возы, это было делать особенно тяжело, и возила буренкам. В 7 утра завтракали и отправлялись в поле до 12 часов, в 12 – коровы, затем поле, к вечеру снова коровы. В воскресенье выставляли обуви ряд, выкладывали велосипедные цепи, чтобы я чистила, без дела не оставалась никогда. У меня из носа часто шла кровь. Хозяин купил лекарство, когда я его вдыхала, кровь останавливалась. Один элемент разнообразия присутствовал в моей жизни в Германии в течение трех лет – это посещение костела по воскресеньям вместе с хозяйкой, с разрешения хозяина. Для этого мне выдали деревянные башмачки. Каждый же день я все делала босиком, на ноге образовался натоптыш. Меня отвезли к врачу, почистили, но всё равно отправили работать.

От тягот такой жизни я завшивела, вши заедали, а я боялась сказать об этом хозяйке. Моя двоюродная сестра Ксения жила рядом, она приехала с печаткой на лбу. Ее хозяйка оставила остатки лекарства. Вечером, когда все улеглись спать, я тихонько выбралась из комнаты, меня уже не закрывали, и пошла к сестре. Ксения смочила мне голову лекарством, налила его в мои косы, увязала платок. Через 2 дня она пришла ко мне и помогла вымыть голову и мои длинные волосы. Вода была словно опилками посыпана вшами и гнидами.

7 мая 1945 года нас освободили. Два месяца фронт стоял в наших окрестностях. Самолеты американские пролетали, как стаи журавлей, особенно активно в 12 часов, когда я доила коров. Хозяйка и дети падали на колени и молились Богу. Деревня располагалась между гор. Однажды сбросили 9 бомб одновременно: земля вздрогнула так, что я упала со стульчика, пролилось молоко. Хозяин отправлял меня в подвал, а мне не было страшно, мне не хотелось жить. В последние дни хозяйка и дети уехали. Уходя, фашисты взорвали вокзал, красотой которого я так восхищалась три года назад. Мы собрались вместе – все русские, ночь просидели в ельнике. Назавтра шли наши солдаты. Один из них выделился из

строю и приказал всем уходить вместе. Невозможно было идти по полосе, где два месяца стоял фронт: пласт-месиво составляли кони, люди, вороны... Переночевать остановились в деревне в сарае, утром пошли дальше. Организованно нас отправили в переселенческий пункт в Ополе на территории Польши. Парней всех в баню и в армию, а девушек в часть в г.Бжег. Мы, вместе с 20-ю пленными немцами, работали в саду, собирали крыжовник, яблоки. Кушать не ходили вместе с солдатами, чтобы они нас не щипали за бока. Одна девушка получала кастрюлю с едой на всех. С 11 мая до конца августа жили в части, затем нас переправили через Одер домой. Я примкнула к чужой семье, приехали во Львов, из Львова до Лунинца ехали на угле в товарном вагоне. На вокзале в Ганцевичах встретила семья из деревни Чудин, они меня и привезли в родную деревню. Я отправилась прямо на могилу: фашисты сожгли в сарае жителей нашей деревни – 74 человека, в том числе всю нашу семью. Родную сестру и двоюродную сестру немцы изнасиловали, они измывались над ними целую ночь, а на утро убили. Я ползала по той могиле, кричала от боли не своим голосом. Тетя услышала мой плач-крик души, пришла, стащила меня с могилы, отвела к себе в дом. Жена брата моего и дедушка остались живы, с ними я и жила, пока в 1947г. не вышла замуж за Бойко Алексея Максимовича. У нас родилось 14 детей. Я сказала себе самой, что буду рожать всех детей наперекор проклятым фашистам, истребившим всю нашу семью.

2013, Сергеевич Валерия, Зражевский Андрей - учащиеся 11 кл. Микошевичской СШ